

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2018-7-2-542-545>

ВАСИЛИЙ СЕЗЕМАН

РУКОПИСЬ.

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ КРАСОТЫ (1950–1955)

ДАЛИУС ЙОНКУС (подг.)

Доктор философских наук, профессор.

Университет Витовта Великого, департамент философии и социальной критики.

44243 Каунас, Литва.

E-mail: phenolt@yahoo.com

VASILY SESEMANN

MANUSCRIPT.

THE PROBLEM OF SPIRITUAL BEAUTY (1950–1955)

DALIUS JONKUS (prep.)

DSc in Philosophy, Professor.

Vytautas Magnus University, Department of Philosophy and Social Critique.

44244 Kaunas, Lithuania.

E-mail: phenolt@yahoo.com

Красота, как мы видели, воплощается и проявляется лишь в чувственных явлениях и предметах. Тем не менее часто говорят о духовной, нечувственной красоте. Спрашивается: есть ли такие факты, которые давали бы основания для признания нечувственной красоты? Или же слово «красота» употребляется здесь в неточном, переносном смысле? Понятие нечувственной (духовной) красоты ведет свое начало от платонизма, которую тот считает высшей, подлинно реальной красотой, по отношению к которой чувственная красота является низшей ступенью подготовляющей лишь переход к постижению самой

© DALIUS JONKUS, prep., 2018

идеи (нрзб.). Но созерцание умопостигаемой красоты совпадает, по учению платонизма, с созерцанием мира идей вообще, и прежде всего с созерцанием идеи абсолютного блага или добра. Другими словами красота на высшей своей ступени тождественна с нравственным добром и истиной и неотличима от них, причем в этом тождестве определяющим моментом служит не красота, а нравственное добро вместе с истиной. Красота становится лишь аспектом добра-истины, а каким именно аспектом остается невыясненным. Различие сводится как будто к одному названию. Во всяком случае красота — в своем идеальном существе — теряет свою самостоятельность. Так же как согласно учению рационалистов чувственное познание представляет низшую ступень по отношению к высшему познанию через общие понятия, так и чувственная форма рассматривается как низшая по отношению к красоте духовной, которая, собственно говоря, сливается с истиной-добротом и в ней растворяется.

Но если такое толкование духовной красоты несовместимо с автономностью красоты, то все же проблема сверхчувственной красоты не отпадает. При внимательном анализе тех фактов, которые характеризуют проявления духовной красоты, мы обнаруживаем и такие, которые действительно отличаются некоторыми признаками, присущими именно эстетическим переживаниям. В самом деле, как в области нравственной жизни, так и в сфере умственной деятельности наблюдаются такие явления, которые, будучи по существу сверхчувственными (чисто духовными), вызывают в нас, помимо их нравственной или умственной ценности, впечатление красоты. Если мы возьмём для примера такие явления нравственного порядка, как великодушие, щедрость, то проявления этих качеств, правда не всегда, но в некоторых случаях, вполне существенно, без всякой натяжки определяются нами как прекрасные. Ещё яснее сказывается эта эстетическая окраска в том образе поведения, который принято называть нравственным тактом. Это умение человека так ориентироваться в той или другой ситуации, касающейся нравственных взаимоотношений людей, что его реакция на актуальное положение является наиболее точным, метким и полным ответом, раскрывающим подлинную сущность той нравственной проблемы, которая заключена в данной ситуации. Но это вовсе не значит, что (нрзб.) человек, руководствующийся в своём поведении нравственными мотивами, тем самым обладает нравственным тактом в указанном смысле. То же самое можно сказать о щедрости, великодушии и других нравственных добродетелях.

Поведение человека, совершаемое в соответствии с нравственным долгом быть щедрым или великодушным, вызывает в нас уважение к нему, но не

дает естественного основания для того, чтобы эта оценка носила вместе с тем и эстетическую окраску. Спрашивается: каким условиям должны удовлетворять проявления указанных нравственных качеств для того, чтобы мы усмотрели в них нужную красоту? Анализ соответствующих фактов выявляет следующие условия: 1) акты великодушия, щедрости, нравственного такта производят на нас впечатление чего-то прекрасного не тогда, когда они являются результатом тех или иных соображений, хотя бы и самых бескорыстных, а когда они естественно проистекают из эмоционального порыва, направляющего действия человека. Иначе говоря, когда в них непосредственно проявляются самые глубокие истоки нравственной личности и её отношения к другим людям. Эти акты отличаются какой-то внутренней необходимостью. В них выражается духовная природа человека, его нравственные качества, либо врожденные, либо благоприобретённые, но ставшие, благодаря упорному нравственному самовоспитанию, второй природой человека. Это акты, родственные тем, в которых воплощается творчество художественного гения, по учению Канта, (акты, в которых природа человека сама себе дает законы), но своей эмоциональной непосредственностью глубоко отличные от морали, управляемой какой-либо общей «максимой» (нормой) вроде категорического императива Канта. 2) Внутренняя необходимость и естественность придает таким актам характер какой-то инстинктивности, но эта инстинктивность не слепая, бессознательная, а зрячая, озаренная нравственной *интуицией* или чуткостью, в значительной мере, в основе своей, независимой от умственного уровня личности. Особенно показательны в этом отношении примеры гибкого нравственного такта, сочетающегося с ограниченностью умственного кругозора. С инстинктивностью указанных актов связана и другая их особенность, которую Кант приписывает эстетическим объектам, а именно — целесообразность *без цели*. Эта целесообразность без цели им свойственна в двояком смысле. С одной стороны, они дают наиболее совершенное, и в этом смысле целесообразное, решение встающей перед субъектом нравственной проблемы, но целесообразность эта не преднамеренна, не основана на размышлении, а является непосредственным выражением эмоционального порыва души. С другой стороны, подобные акты с особой ясностью раскрывают для других нравственное унастроение действующего субъекта, то есть представляют наиболее подходящий аспект для оценки нравственного существа личности. Это обстоятельство и вызывает у наблюдателя впечатление родственное тому, которое он получает от художественного произведения, и вынуждает его признать за такими актами предикат

духовной красоты. Духовная красота, в этом смысле, характерна именно для мудрости в самом глубоком значении этого слова.

Из сказанного явствует, что: 1) духовная красота есть свойство личности, непосредственное излучение её сокровенного ядра, 2) предикат красоты может быть правомерно приписан не нравственным добродетелям вообще, а лишь конкретным индивидуальным их проявлениям. Помимо этих проявлений, духовной красоты вообще нет, как нет и чувственной красоты вообще, сверх её конкретных обнаружений. Поэтому, не имея проявлений красоты, мы не можем назвать её прекрасной. В искусстве духовная красота может поэтому найти свое выражение только через посредство её воплощения в тех или иных чувственных образах.

В несколько ином виде духовная красота проявляется и в чисто умственной жизни человека, в сфере умознания (греч. — Theoria), а проявляется она в тех случаях, когда теоретическая мысль в своем внутреннем развитии достигает того, что Гегель имеет в виду, говоря о конкретном понятии или конкретной идее. Это, по существу, не что иное, как такое интуитивное постижение общего положения, в котором сразу же раскрывается и многообразие его конкретных применений в тех частных случаях, которые связываются им в одно систематическое целое. Интуиция здесь направлена на общее, но в общем (нрзб.) усматривает, схватывает и осуществляющее его частное. В этом смысле — красота может проявляться и в самых отвлеченных научных областях, в математике, в теоретической физике, в логике. На этот вид красоты указывали ещё рационалисты (нрзб.), но не отметили её существенное отличие от красоты чувственной. Непосредственно эта умственная красота переживается только самим мыслящим субъектом. Объективно доступной она становится лишь тогда, когда интуитивно находит свое адекватное выражение в соответственном изложении. Умение подыскать эту адекватную словестную форму представляет собой особый дар, который сближает ученого с художником.